

«ИВАНУШКИ» ПОШЛИ СВОИМ ПУТЕМ

Молодежная группа «Иванушки International» недавно справила десятилетний юбилей. Андрей Аполлонов-Григорьев, Кирилл Андреев и Олег Яковлев, который заменил погибшего Игоря Сорина, как будто не становятся старше. Они по-прежнему — кумиры девчонок и на вид все такие же отвязанные подростки. Секрет их неизменного успеха вряд ли возможно разгадать. Сдается, он заключен в невероятном оптимизме ребят и их сплоченности... Беседую с ветераном команды Андреем АПОЛЛОНОВЫМ-ГРИГОРЬЕВЫМ.

• Как началась твоя музыкальная карьера?

— В Сочи, где я вырос, сосредотачивалась летняя московская тусовка. А мой папа был известный, уважаемый в городе человек — главный врач детской больницы и всей Мацесты. К нам в город постоянно приезжали на гастроль какие-то театры, труппы, группы. Отец очень дружил с Валерием Ободзинским и Сергеем Захаровым. Хоть Сочи и не Москва, но все равно я был словно в центре культурной жизни столицы. Потом поступил на работу в сочинский Театр мод. Раньше не было даже такого понятия «модель». У меня в трудовой книжке записано: «Лучший артист-демонстратор России 1988 года». Да, занял первое место в конкурсе среди артистов-демонстраторов всей России. Такая вот история!.. Наша труппа была единственным театральным коллективом в Сочи, поэтому, когда начинались «Кинотавры», первые фестивали обслуживал наш Театр мод. Мы обеспечивали им все, начиная от цветов и заканчивая шоу, концертами, постановками. Там я познакомился и с Марком Рубинштейном, и с Аликой Смеховой, и с Константином Эрнстом, и с Владом Листьевым, который сказал, что мне надо ехать в Москву...

В свои 18 лет я знал практически весь киномир. Потом приехала группа «Любэ» снимать клип на песню «Не валяй дурака, Америка». Куда обращаться за танцорами и массовой? Правильно, в Театр мод. И они пожаловали к нам в полном составе. Так я познакомился и подружился с Николаем Расторгуевым и Игорем Матвиенко. Игорь тогда послушал, как я пою, и сказал: «Давай подумаем про музыку». Но нашим совместным планам суждено было сбыться чуть позже. Я поступил в ГИТИС, потом уехал на Бродвей...

• С этого момента, пожалуйста, поподробнее...

— Это отдельная история. Есть такая девушка Полина Гриффитс. Когда мне было семнадцать, у нас с ней случился дикий пионерский роман. Сдержанием за ручки, с танцами и прочей трогательной ерундой. Она пела и танцевала в варьете, которое выступало в одном из ресторанов Сочи. Потом их гастроль закончилась, и она исчезла. Как-то утром включаю телевизор, а там объявляют, что в польский мюзикл «Метро», который уезжает на гастроль в Америку, требуются русские артисты. И показывают девушку, которая уже год как там успешно работает. Я узнал Полину. Оказывается, она из Варшавы приехала в Москву, чтобы поучаствовать в рекламной съемке мюзикла. Я тоже помчался в столицу — к ней!

Встретились уже как друзья. Она мне говорит: «Пошли на конкурс». Какой конкурс! Там ужас что творилось. Немыслимое количество народа на место. А я из провинции, в ушанке, шубе, ботинках-говнодавах. Не хотел я идти, но она меня затащила. И вот этот конкурс, единственный, как танцор, артист и певец, прошел я. Как — не знаю. Ведь образования — ни музыкального, ни хореографического — нет. Ну, как певец, танцор, и артист прошел Игорь Сорин, с которым мы уехали в Варшаву на два года, а потом на Бродвей на несколько месяцев.

Мы троим — Игорь, Полина и я — были главными русскими героями в пьесе «Метро». Кроме нас, в ней играли американцы, поляки, словаки. В Америке осталась половина варшавской труппы. Должны были остаться и мы. Почему бы нет? Есть перспектива, грин-карта, социальная страховка. Юность, делаю что хочешь! Мы с Игорем даже уже придумали, как для начала заработаем на квартиру: встанем на набережной с гитарой и будем петь для прохожих. А потом, у меня родственники в Америке. Те, что по отцовской линии, живут в Нью-Йорке, по материнской — в Вашингтоне. Не пропал бы в любом случае. Но за два дня до того, как уцелевшая часть труппы должна была уезжать, я сказал: «Это не моя страна, не мой язык. Я не хочу стоять в Голливуде в очереди актеров, плохо разговаривающих по-английски, и ждать, когда мне что-нибудь перепадет. Мне нужно домой, мое счастье там». Сорин сначала разозлился и обвинил меня в измене Соединенным Штатам, а на следующий день сказал: «Какая же ты сволочь, я тоже еду». Мы уехали,

а Полина осталась. Ее не было десять лет, потом она приехала в Москву, стала участницей группы «А-студио». У нее замечательный муж из группы Never Green...

Я тогда вернулся не в Москву, а в Сочи, в провинцию, как бы. Меня пригласили ставить шоу в моем родном Театре мод. Я стал делать все с новой оценкой, с позиции человека, работавшего на Бродвее. У меня манекенщики крутили салют, танцевали, били чечетку, пели. Получилось маленькое бродвейское шоу, только костюмированное. На его премьеру приехало огромное количество гостей из Москвы, включая Игоря Матвиенко. И вот после представления он подошел ко мне и спросил: «Ты еще долго будешь здесь сидеть? Собирай вещи, поехали в столицу».

Тогда я действительно уже сделал для Сочи все, что хотел. На следующий день, лежа на пляже, мы с Игорем думали над нашим совместным проектом. Решали, что это будет — либо дуэт мальчик и девочка, либо три мальчика и две девочки, команда тинэйджеров. Мы остановились на последнем варианте и стали искать Аленушек. Разных, совершенно противоположных. Союю я привез из Сочи — хулиганка такая, со шрамом на лице, а пела... фантастически! Голос был, как у Эллы Фитцджеральд. Теперь срочно нужна была вторая — «хорошая». Но все красавицы, что нам попадались, были на редкость безгололые и бесхарактерные. А через три дня необходимость в девочке половине вообще отпала. Наша хулиганка познакомилась в баре с каким-то другом, который преподнес ей «мерседес» и предложил выйти за него замуж.

Оставалось работать мальчишеским составом. Я познакомил Матвиенко с Сориним, потом мы чудесным образом нашли нашего самородка Кирилла Андреева. В баре нашли. Сидит парень, вроде наш человек. Спрашиваем: «Петь умеешь?» — «Да». — «Танцевать умеешь?» — «Умею». — «А ну, покажи... Десятого ноября 1995 года мы встретились все вчетвером: Матвиенко, Игорь, Кирилл и я. Вышли на сцену, попели что-то такое и сказали: «Девочки нам не нужны». Так мы начали наш проект.

Полгода выступали без названия. Нас объявляли: «Сейчас будет петь группа... без названия!» Мы фантазировали, пытались придумать себе какое-нибудь имя. То в голову придет группа «Карандаши», то «Алые паруса», то «Мечтатели». В общем гнали безостановочно, но все было не то. До тех пор, пока к нам на концерт не пришел Герман Витке. Замечательный поэт, это он помог Агутину создать образ босоногого мальчика и писал тексты его песен. После нашего выступления он зашел к нам за кулисы и сказал: «Будьте Иванушки!» Это было до гениальности просто, и перевоплощение произошло немедленно. Так мы стали «Иванушками International»...

• Как вам живется без Игоря?
— У меня в жизни было два самых страшных момента — смерть моего отца и смерть Игоря. Если бы он сейчас воскрес, то, наверное, пожалел бы о том, что натворил. Надеюсь, что натворил случайно. Потому что его уход из группы был ударом ниже пояса. В самом расцвете, на пике истории...

А если бы он увидел, что стало с его семьей! Как сейчас одинока его мама. Отец ушел к молодой девушке, которая, говорят, была влюблена в Игоря. Кстати, она родила папаше уже двух маленьких Райбергов — братьев Игоря. У Сорина первая фамилия Райберг... Он не доказал, что справится с сольным проектом. Все-го лишь одну песенку в его исполнении я услышал. Если бы он был жив! Я прямо вижу Игоря таким Робби Уильямсом с его харизмой и талантом. А какие же он стихи писал... Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал его. Тем более день его рождения — 10 ноября — это и день рождения «Иванушек». Тогда, кстати, он сбежал из-за стола, а мы его потом нашли у него дома, за репетицией. В этом он был весь.

• Андрей, как полагаешь, твой успех заслуженный?

— Я к нему шел. Для меня это признание того, что делаю все правильно — с шести лет, когда заработал свои первые десять рублей. Родители взяли меня с собой в ресто-

ран, и я решил там сыграть на пианино. Исполнил «В тра-ве сидел кузнечик». Ко мне подошел поддатенький дядя, дал десятку и сказал: «Сыграй

Знаете, что сейчас происходит? Девочка приехала из Тюмени, стояла два часа в очереди, вышла на конкурс, спела песенку и стала через два месяца звездой. Конвейер идет нереальный. У человека может сорвать планку. Потому что был никем и вдруг становишься «звездой». Думаете, откуда берется звездная болезнь? Да вот от этого! Ничего не сделав, вдруг ты превращаешься в астрономическую величину. Считаю, те, кто это допускает, совершают преступление. Все должно происходить последовательно. Мне вот с самого детства шаг за шагом внушали, что все достигается трудом. Школа, педучилище (у меня первое образование — «преподаватель начальных классов»), музыкальное, ГИТИС, Театр мод, Бродвей. Так что известность ко мне пришла не прямо так, тупо. Это я к ней шел трудным и не очень коротким путем. Я действительно выкладывался.

Да, вот еще о чем хочу сказать. О воспитании. Слава и деньги, свалившиеся с неба, только развращают плебея, понимаете? И не исправит его роскошь, которой он окружит себя, как правило, роскошь безвкусная. Поэтому я очень благодарен своим родителям за то, что научили меня здороваться с бабушками во дворе.

• Как, по-твоему, за последние десять лет наша эстрада как-то улучшилась, эволюционировала?

— Эстрада не может развиваться, потому что это просто жанр. В нем есть мэтры, такие, как Петросян. Или Пугачева, или Кобзон. А мы не артисты эстрадного жанра, мы — музыканты. Попса. Конечно, наша попса стала больше брать от Европы и Америки, потому что молодежь тянется к их музыке. Но принципиально мы все равно не будем с ними одинаковыми. Мы же генетически другие. О своих «Иванушках» с уверенностью скажу, что никогда не допустим в выступлениях порнухи и вообще беспредела, хотя и приходится брать у них весь этот рэп и ар-эн-би.

Елена АРБУЗОВА

Вместе — к новым успехам!

